

МАРТИН
СУТЕР

МИЛАНСКИЙ
ЧЕРТ

ЭКСМО
МОСКВА
2013

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Шва)
С 90

Martin Suter

DER TEUFEL VON MAILAND

Copyright © Diogenes Verlag AG Zürich, 2006.
All rights reserved.

Перевод с немецкого *Р. Эйвадиса*

Художественное оформление *С. Власова*

Сутер М.

С 90 Миланский черт / Мартин Сутер ; [пер. с нем. Р. Эйвадиса]. — М. : Эксмо, 2013. — 448 с. — (Проза Мартина Сутера).

ISBN 978-5-699-63509-2

Что делать, если тебя преследуют страхи, если не можешь уснуть по ночам и вздрагиваешь от каждого шороха?

Бежать.

Героиня романа Мартина Сутера Соня так и поступает — от своих страхов, депрессии и безысходной тоски она пытается спрятаться в небольшой деревушке.

Но страх настигает ее и здесь. Кто-то играет с ней в жестокую и опасную игру — сначала подсовывает книгу с легендой о бедной пастушке, продавшей свою душу Миланскому черту, а потом инсценирует все те знаменья, с помощью которых черт демонстрировал свое могущество.

Соня подавлена, но она решает не сдаваться. Во что бы то ни стало ей надо выяснить — кто стоит за проделками черта, кому надо запугать ее?

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Шва)

© Эйвадис Р., перевод на русский язык, 2012
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-63509-2

*Альберту и Аните Хофманн
посвящается*

По ту сторону внешнего мира, представляющего собой нашу действительность, скрывается некая трансцендентальная действительность, истинная сущность которой остается тайной.

Д-р Альберт Хофманн

1

Серо-синий запах исчез, и голосов она тоже больше не видела.

В комнате царил полумрак. Сочившегося сквозь жалюзи света хватало лишь на то, чтобы добраться до двери, обходя мебель и разбросанную одежду.

Соня вышла в прихожую. Сквозь узорчатые матовые стекла входной двери был виден свет на лестнице, но через две-три секунды он погас.

Она на ощупь пошла вдоль стены. Одна из трех дверей, которые она успела увидеть при свете, должна была вести в туалет.

Дверная ручка была холодной. Не горьковатой или кисло-сладкой на ощупь, а просто холодной.

Войдя в темную комнату, она услышала чье-то глубокое, ровное дыхание. Именно услышала. А не услышала и *увидела*.

Она бесшумно вышла и направилась к следующей двери. Открыв ее, она очутилась в ярко освещенной кухне.

Двое мужчин за столом молча пили кофе и курили. Повсюду стояли грязные бокалы и тарелки с остатками еды. В раковине высилась гора невымытой посуды.

Мужчины повернулись к двери, и по тому, как они на нее уставились, Соня поняла, что она голая.

— А где... туалет?.. — спросила она. Почему бы и не спросить — если уж она все равно вошла.

— Следующая дверь, — ответил один. Второй продолжал молча таращиться на нее.

Соня, порадовав их еще и видом сзади, покинула помещение.

В туалете воняло блевотой, которую кто-то не очень успешно смывал со стульчака. Туалетной бумаги не было.

Соня посмотрела в зеркало, пытаясь определить, насколько ее внешний вид соответствует ее самочувствию.

Отражение в зеркале немного успокоило ее: все оказалось не так страшно, как она ожидала. Но что-то ее беспокоило. Лицо, смотревшее на нее из зеркала, не вызывало в ней никаких эмоций — ни симпатии, ни чувства близости, ни снисходительности, ни сочувствия. Женщина в зеркале не имела к ней никакого отношения.

Проверив состояние полотенца, она отказалась от намерения обмотать им бедра и вышла из туалета в том же виде, в каком вошла в него.

Свет на лестнице опять зажегся, и она без труда добралась до своей комнаты.

Там она нащупала выключатель и нажала на кнопку. В четырех углах замигали вертикальные неоновые лампы. Красная, желтая

и синяя через несколько секунд загорелись, зеленая продолжала мигать.

Кроме этих ламп на стенах ничего не было. На паркетном полу царил хаос, образовавшийся явно не в эту ночь, а еще раньше.

Соня нашла трусики и надела их.

— Мы, кажется, спали с вами?

На пороге стоял один из мужчин, которых она только что видела в кухне. Босиком, в черных брюках и белой футболке. По его небритому лицу и растрепанным черным волосам было непонятно, не является ли и то и другое частью его имиджа.

— Что-то я такого не припоминаю.

Мужчина ухмыльнулся и закрыл дверь.

— Может, вы вспомните, если мы это повторим?

— Еще шаг — и получишь ногой по яйцам! — сказала Соня, продолжая поиски своей одежды.

Мужчина остановился и поднял руки, словно желая показать, что безоружен.

Соня наконец отыскала бюстгальтер и надела его.

— Что это была за дурь?

— «Эйсид».

— Вы же говорили, что это «калифорния саншайн».

— «Блю мист», «грин медж», «инстант дзен», «йеллоу димплс», «калифорния саншайн» — это все разные название одного и того же: «эйсид».

Сказав, что «не припоминает», Соня солгала. Ей было труднее что-либо забыть, чем запомнить. Ее память представляла собой огромный архив образов, которые она по желанию могла в любой момент «загрузить». Она архивировала в виде образов и слова, и таблицы спряжения глаголов, и стихотворения, и имена.

И числа. Они навсегда сохранились в ее памяти стройными шеренгами единиц, двоек, троек, четверок, пятерок и шестерок, написанных кудрявым почерком учительницы, фройляйн Фер, красным, синим, желтым, зеленым, фиолетовым и оранжевым мелом на черной доске. И все цвета были неправильными, кроме желтого, который соответствовал тройке. Когда она указала на это фройляйн Фер, та сделала ей замечание. И заявила, что не бывает «пра-

вильных» и «неправильных» цветов для чисел. Тогда-то Соня и начала архивировать образы.

Шеренги семерок были написаны в ее памяти округлым почерком фройляйн Келлер, которая была гораздо моложе и милее фройляйн Фер. «Меня зовут Урзула Келлер», — написала она на доске розовым мелом, когда замещала свою коллегу. Сначала на две-три недели, потом на два-три месяца, а потом — после того, как весь класс и всю школу попросили принести по одному цветочку для бедной фройляйн Фер, — навсегда.

Все ряды чисел после «7» были написаны фройляйн Келлер. При необходимости Соня и сегодня могла их просто считывать с «доски».

В детстве, когда она делала это в школе, ее мучили угрызения совести. Списывать было запрещено, а то, что она делала, иначе назвать было нельзя. Арифметические задачи, слова, стихотворения, она просто списывала или читала из головы. Это отравляло ей радость от хороших оценок, и однажды она во всем призналась фройляйн Келлер. Но та заверила ее, что списывать из головы не запрещается. Только после этого Соня избавилась от угрызений совести.

Все годы учебы, сначала в школе, потом в университете, этот особый дар не столько помогал Соне, сколько мешал. Она могла составлять сложнейшие алгебраические формулы, если до этого хоть раз видела их, но объяснить их была не в силах. То же самое происходило с химическими и физическими формулами, с реками и городами, с датами, словами и стихотворениями. Поэтому за ней прочно закрепилась репутация необыкновенно одаренной, но абсолютно лишенной честолюбия учащейся. Экзамен на аттестат зрелости она сдала на тройку. Это была месть учителей за ее пренебрежительное отношение к собственному таланту.

Образы прошедшей ночи она, разумеется, тоже «сохранила».

Мокрый от дождя асфальт, дрожащие в лужах неоновно-голубые и галогенно-белые огни — отражение надписи «Меккомакс».

Фигуры на танцевальной площадке, движущиеся не в плавном ритме «транс-саунд», а как в замедленной съемке под стробоскопом.

Бар с множеством лиц в рубиново-красном свете, среди которых были и лица двух мужчин, сидевших в кухне.

Две таблетки на ее ладони, почти невидимые в синем призрачном свете дамского туалета.

А потом вдруг музыка — обрушившаяся на нее лавина из серебристых и темно-серых пляшущих кубиков в замедленной съемке. И голос одного из мужчин (у него было какое-то имя песочного цвета), появившийся в верхнем правом углу экрана в виде узора из черных и белых волнистых полос и тут же исчезнувший. Узора, который каждый раз вставал у нее перед глазами, как только он начинал говорить.

А еще позже — неясно, насколько именно, — белые обои, распадающиеся на пиксели, которые то сгущались в темные пятна, то волнами катились по стене, напоминая тяжелые колосья под упругим дыханием теплого ветра.

Сколько же она смотрела на эту причудливую игру пикселей? Несколько минут? Или часов? Через какое время появился мужчина с песочным именем... Пабло? Да, Пабло. Через какое время он появился и прогнал эти пиксели?

От него в ее памяти тоже сохранились образы. Татуировка инь-янь на правой ягодице.

Курчавые волосы на крестце, сизо-голубые на ощупь. И снова голос, на этот раз цветной, но по-прежнему графический — поздний Вазарели¹.

— Обычно женщины помнят, спали они со мной или нет, — сказал Пабло.

— Мужчины тоже обычно помнят, спали они со мной или нет, — ответила уже одетая Соня. — Ты не видел мою сумочку?

— А как она выглядит?

— Как звучит электрогитара.

Такси производило такое впечатление, как будто водитель в нем и жил. Такое же впечатление производил и сам водитель. В салоне воняло застарелым табаком и биг-маком, который лежал в полистироловой коробке между водителем и пассажирским сиденьем и от которого тот откусывал перед каждым красным светофором.

¹ Виктор Вазарели (1906–1997) — французский художник, график и скульптор венгерского происхождения, ведущий представитель направления «оп-арт».

Соня попробовала открыть окно, но оно не открывалось.

— Вам жарко?

— Нет.

— Это хорошо. А то я мерзну.

— Просто... было бы жаль, если бы я заблевала вам все сиденье.

Водитель нажал на кнопку, и стекло рядом с Соней бесшумно опустилось в обшивку дверцы.

В лицо ей повеяло холодом грязного апрельского дня. Таксист демонстративно поднял воротник куртки.

Он нарушил молчание лишь в самом конце поездки. Их остановил полицейский, и им пришлось ждать, пока не отъедут три припаркованные у тротуара машины «Скорой помощи».

За оцеплением собралась небольшая толпа и глазела на «Бедлам», бар с живой народной музыкой, вход в который охраняли двое полицейских.

— Название у них, конечно, подходящее, ничего не скажешь... — пробурчал водитель.

— Да-да... — ответила Соня, мрачно глядя в окно в ожидании разрешающего жеста полицейского.

Перед ее домом стоял мебельный фургон с надписью «КОЛЕР. Перевозки и прокат грузового транспорта». Вместо «о» в слове «Колер» желтел смайлик. На асфальте перед фургоном ждала своей очереди на погрузку какая-то убогая мебель.

«Любая мебель, стоящая перед мебельным фургоном, всегда кажется убогой», — подумала Соня. Она переехала сюда в надежде, что никто из знакомых не увидит ее здесь. Риск и правда был минимальным: люди, знавшие Соню, избегали этого района. Это стало одной из причин, по которым она перебралась сюда, хотя могла выбрать жилье и получше.

Она расплатилась с таксистом и вышла из машины. Тот не счел нужным открыть ей дверцу, хотя она дала ему на чай. Поэтому она тоже не сочла нужным закрыть за собой дверцу. Он что-то крикнул ей вслед, но она не расслышала слов.

На лестнице ей пришлось пропустить двух молодых мужчин, тащивших вниз красный диван. Лицо одного из них было ей знакомо. Если бы она не чувствовала себя такой раз-